

Набережные Челны – Новосибирск
E-mail: fataisu@yandex.ru

Алсу Фатыхова
Год создания – 2015

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАТЬ - женщина по имени Альфия, 62 года, на пенсии, в прошлом – медработник

СВЕТЛАНА – ее младшая дочь, 37 лет, работает в рекламном агентстве

ГУЛЯ - старшая дочь, 42, преподаватель вуза, психолог

САНЯ – сын, 39 лет, мастер в какой-то организации

ОТЕЦ – Алексей, 64 года, на пенсии, но продолжает нести бремя ответственности крепкого производственника

РАМИЛЬ, жених

ЭЛЬВИРА, его дочь, девочка 13 лет

Имам

Гости, родственники: тетка Танзиля, сноха Вика и другие

Мужчина, «покупатель» пианино

Грузчики

*Действие происходит в Казани, в обычной благополучной среднестатистической семье.
Время действия - двухтысячные.*

В тексте встречаются татарские слова и выражения (с переводом), которые легко могут быть заменены на русские.

ДЕЙСТВИЕ I

Фоном звучит молитва:

Помяни, Человеколюбче Господи, души отшедших рабов Твоих младенцев, кои в утробе православных матерей умерли нечаянно от случайных действий или от трудного рождения, или от некоей неосторожности, или сознательно загубленных, и потому не принявших святого крещения. Окрести их, Господи, в море щедрот Твоих и спаси неизреченною Твоею благодатию, а меня, грешную (имя), совершившую убийство младенца в утробе моей, прости и не лиши Твоего милосердия. Аминь.

Боже, милостив буди мне грешной. Господи, помилуй чад моих, умерших во утробе моей! За веру и слезы мои, ради милосердия Твоего, Господи, не лиши их света Твоего Божественного.

Благодарю Тя, Господи, яко ныне, аще и поздно, осознала есмь свой смертный грех извержения плода из утробы моей по воле моей. Открылась есть в сердце моем жалость великая к загубленным душам зачатых детей моих. И нет мне ныне оправдания, ни утешения, ни покоя. Но не допусти мя, Господи, до отчаяния, во искупление же сего смертного греха моего приими вопли моя, стенания и горькие слезы раскаяния. Аминь.

Сцена 1

Гостиная, совмещенная с кухней и столовой. Налицо все атрибуты современной благополучной жизни – уютная кухня и гостиная с претензией на дизайнерский интерьер (не дорого-богато, а просто достойно) бытовая техника, плазменный телевизор и проч. В углу гостиной – фортепиано.

Сидят два человека – мать и старшая дочь.

Молитва заканчивается, свет включается, мать и старшая дочь разговаривают.

ГУЛЯ. Mam, Светка не говорила, когда придет? Платье померить надо. Времени в обрез, только в обед и можно вырваться, завкафедрой только так и бдит. Куда пошла-то?

МАТЬ. Куда-куда? Туда. И не называй ее Светкой!

ГУЛЯ. Куда?

МАТЬ. Ну... Записываться.

ГУЛЯ. Не надо было ей операцию делать. Мне Ирка говорила, что, наоборот, это уже окончательно закрепит диагноз.

МАТЬ. А твоя Ирка – врач что ли? Всю жизнь оттирается администратором в гостинице. Много она понимает твоя Ирка.

ГУЛЯ. Знает... Сама там была.

МАТЬ. Где была?

ГУЛЯ. На петрубации.

МАТЬ. На перо... петро... тьфу ты... На чем?

ГУЛЯ. Ну на этой операции по продувке маточных труб. И ей какой-то другой врач, который отговаривал от операции, говорил, что, мол, не надо мучить организм. Помочь – не поможет, а как бы еще хуже не стало. Лучше сразу ЭКО.

МАТЬ. Это называется «пертубация». У Ирины бесплодие? А я думала – не рожает, потому что мужика нет. Ну то есть мужиков-то вагон: в гостинице небось не один десяток пропустила мужиков...

ГУЛЯ. Мама! Мама, как тебе не стыдно! Ты стала такая... ты мерзкая ханжа!

МАТЬ. Вот те раз. Я еще и ханжа. Ну если так и есть – твоя Ирина со сколькими уже жила – я причем? Никогда ни с кем ничего не обсуждала, никого не осуждала – и ханжа? Вон, глянь, Мадина всю жизнь стоит у подъезда, пузо выставив, как абыстайка¹ – работать не любит, сплетничать время у нее есть, а четверо детей по улице грязные и голодные бегали всегда.

ГУЛЯ. Но не потерялись же? По кривой дорожке, как ты говоришь, не пошли. Даже образование получили... Мама! Мама, ну ты же не такая злая... Почему ты все время чувствуешь себя несчастной?

МАТЬ. Ну что хорошего, скажи? Ты за какого-то тюфяка замуж вышла – ни гвоздя забить, ни денег заработать не может. Света по больницам все ходит. Саша женился на черт знает на ком...

ГУЛЯ. О, господи... Да нормально у нас все с Толиком. А чем тебе сноха-то не угодила?

МАТЬ. Она его всеми силами пыталась захомутать, видела – работающий, непьющий, руки на месте... Ладно, родила, дома сидит. Ну хоть бы понимала, что мужик один сейчас семью тащит! Нет, не понимает, губки бантиком надует и начинает: то ей на море надо, видите ли, все подружки уже в Турцию слетали не по одному разу, то мебель новую, то шейпинг, то очки солнечные за пять тыщ - бредОвые.

ГУЛЯ. (*смеется*) Какие-какие? Может, «брендОвые»? Хотя правильнее говорить – брЕндовые.

МАТЬ. Да мне какая разница? Главное, деньги бы поберегла, хотя бы пока на работу не выйдет, не выёживалась. А то удумала – очки за 5 тыщ! На 5 тыщ кто-то, может, целый месяц живет.

ГУЛЯ. А что - Викуся на работу выходит?

МАТЬ. Как же! Нет - второго хочет родить. Чтобы не работать.

ГУЛЯ (*со смехом*). Мам, ну прям только чтобы не работать! Эх, мама, ты настоящая свекровь, классическая такая. Вика, конечно, девка глупенькая, но дома у нее порядок: и Саньку в узде держит, и ребенок у нее чистенький да здоровенький.

МАТЬ. Вот потому сильно к ней не цепляюсь, что за ребенком хорошо смотрит.

Звонок в дверь.

МАТЬ. Это Саша. У нас теперь традиция – ходит обедать к матери. Каждый день как штык – в одно и то же время.

Появляется Саня. Обнимаются с Гулей. Садятся за стол. Мать хлопчет.

ГУЛЯ. Тебя жена тебя совсем не кормит - зачистил сюда.

САНЯ. Почему не кормит – кормит. И даже почти всегда вкусно. Но разве против маминых мантов или эчпочмаков² устоишь?

ГУЛЯ. Это точно. Как Викуся? Как Дашка?

САНЯ. (*жует*) Все тип-топ.

ГУЛЯ. На работу не выходит еще?

САНЯ. Куда-то там! Ждем еще путевку в садик. По очереди – мы 164-е. Сказали – через год ждите.

ГУЛЯ. Далеко. Так ведь Дашке уже 2,3 уже. У меня Максимка в сад пошел, как только два стукнуло.

¹ Абыстай – в перен. смысле – ленивая женщина, тетка; белоручка

² Эчпочмак – эчпочмак -дословно «три угла» - треугольный пирожок с картошкой и мясом

САНЯ. Дык это еще нормально. Сейчас раньше 3 лет не дают путёвки.

МАТЬ. Вовремя вставать на очередь надо было. Вика как всегда прошляпила...

САНЯ. Ну почему прошляпила? Да мы на очередь встали, как только Дашка родилась. Просто рождаемость повысилась (*смешок*), государство садики не успевает строить.

МАТЬ. Да прекратите вы ее Дашкой звать. Она же будущая женщина. С детства должна уважение к себе ощущать. И что у вас за манера - Санька, Дашка, Викуся... Имена вам родители дают не для того, чтобы вы их коверкали.

САНЯ. Светка-то где?

МАТЬ. Светлана! Света!

САНЯ. Ок. Ее светлейшее Светлана Алексеевна где?

ГУЛЯ. В больницу пошла. Все по тем же делам.

САНЯ. Операцию же она какую-то там женскую делала. Что - не помогло?

ГУЛЯ. Не помогло.

САНЯ. Так это, может, это... дитя из пробирки?

МАТЬ. Саша, не лез бы ты не в свое дело. Какой ты... топорный, нетактичный. В кого такой уродился – не пойму.

САНЯ. А че – дело-то житейское. Извини. Ладно, я пойду, чай пить не буду, мне еще фару на машине глянуть надо: то горит, то не горит.

МАТЬ. Саша, на тумбе вон возьми пакет – я тебе пирожки положила с собой. На работе чай попьешь.

Саша встает, собирается уходить и вдруг останавливается.

САНЯ. Ма, а к чему рыба снится? Я ночью сегодня во сне рыбу ловил – жирную такую поймал, еле поднял. Даже не знаю, как называется.

МАТЬ и ГУЛЯ переглядываются.

ГУЛЯ. К беременности рыба снится (*улыбается*). Братик, а ты случаем – не того? (*показывает округлившийся животик*).

Мать. Какая беременность еще! Пусть сначала Дарью в садик отдадут.

САНЯ. Да не-е. Мы пока не планируем.

Целует мать и уходит.

МАТЬ и ГУЛЯ. Молчание.

МАТЬ. Пирожки забыл.

ГУЛЯ. Может им усыновить ребенка?

МАТЬ. Кому? Саше с Викой?

ГУЛЯ. Светлане с Олегом.

МАТЬ. Олег не хочет.

ГУЛЯ. Уже говорила с ним?

МАТЬ. Я – нет. Света разговаривала. Он сказал, мол, я не смогу воспитывать чужого ребенка.

ГУЛЯ. Подлец.

МАТЬ. Ну почему же сразу подлец. Знаешь, я всегда боялась двух вещей. Когда дети от разных отцов. Боялась, что кого-то будут меньше любить.

ГУЛЯ. А второе? Ты сказала, боялась двух вещей.

МАТЬ. Приемных детей. Строгой быть – люди скажут: не свой, мол, потому и не жалеет. Излишне баловать – на голову сядет. А еще вырастет вот и скажет потом: ты кто такая? Ты мне не мать вовсе и не лезь ко мне. Получишь вот так потом...благодарность.

ГУЛЯ. Ты такая смешная, мама. Страхи какие-то нелепые. Всю жизнь живешь с одним мужем, троих родила...

Входит Светлана.

СВЕТЛАНА. Привет (*сестре*). Мам, у нас обед есть?

МАТЬ. Конечно, есть. Садись.

СВЕТЛАНА. Руки помою (*уходит, появляется через пару минут*)

ГУЛЯ. Ну?

СВЕТЛАНА. Что – ну?

ГУЛЯ. Ты была у врача?

СВЕТЛАНА. Была.

ГУЛЯ. Ну?

МАТЬ. Да ты дашь человеку поесть?!

ГУЛЯ. ЭКО? (*Светлана кивает*). Сколько будет стоить операция?

Светлана показывает знаками – мол, не надо при матери.

Мать выходит из кухни.

ГУЛЯ. Сколько стоит операция?

СВЕТЛАНА. Дело не в деньгах. Дело в Олеге.

ГУЛЯ. Не хочет идти...

СВЕТЛАНА. «Нельзя идти против природы, и вообще ты наполовину мусульманка, как ты можешь такие вещи предлагать! Это не по-божески, это искусственное вмешательство...» И все в таком духе.

ГУЛЯ. Что значит «не по-божески»? А бухать и неделями домой не приходиться ночевать – это по-божески?

СВЕТЛАНА. Ой, не надо.

ГУЛЯ. Что значит, «мусульманка наполовину»? Что за бред? Это все равно что быть беременной наполовину. Либо ты беременна либо нет!

Светлана с укором смотрит на сестру.

ГУЛЯ. Прости. Но если честно – выглядит это все как отговорки. Ребенок – это ответственность, а Олег – сама безответственность.

СВЕТЛАНА. Да ладно. Я уже просто не могу. Все надоело. Все неправильно.

Входит МАТЬ.

МАТЬ. Что неправильно, кызым³?

СВЕТЛАНА. Да всё! Зачем я за Олега замуж вышла. Ведь сразу было понятно – не пара мы с ним, говорить не о чем, понимания нет, любви – теперь тоже. Свекровь меня недоделанной татаркой называет... Националистка чертова! Может, действительно за татарина надо было выходить?

ГУЛЯ. Мам, а как тебе родители разрешили замуж выйти за русского?

МАТЬ. Да никак. Дед твой слова не сказал, бабушка поворчала-поворчала, потом смешно так сказала: «Уруслар алар да бит Адэм баласы»⁴.

³ Кызым – доченька.

⁴ Уруслар алар да бит Адэм баласы – досл.: И русские - тоже дети Адама. Или: Русские – тоже люди.

ГУЛЯ. Ага. Моего Толика до сих пор за глаза «маржя-кияу»⁵ зовет, а к папе «Алюша, Алюша» обращается. Это она так смешно его имя «Алёша» произносит.

МАТЬ. Вот две дурочки из переулочка. Смотреть надо было, за кого выходите. Ты, Гуля, замуж помчалась как на пожар босиком по снегу. Боялась, что женихов не останется?!

Гуля смеется в ответ.

СВЕТЛАНА. Мама, а вот то, что папа... как бы православный, свинину ест - к этому как отнеслись эби и бабай⁶?

МАТЬ. Ну, во-первых, когда это вы в нашем доме свинину последний раз видели? Ваш отец не любит свинину, да и другое мясо не больно-то ест.

ГУЛЯ. Точно! Он же у нас рыбоед.

МАТЬ. А во-вторых, эби и бабай никогда религиозными не были. Да и какой же папа православный – ни в бога, ни в черта не верит. У него один черт – это баба! А что это вас на религию понесло и национальные темы?

СВЕТЛАНА. А что остается делать недоделанным татаркам? (*смеются с Гулей*).

ГУЛЯ. Мам, почему вы Саньку и Свету по-русски называли, а меня по-татарски?

МАТЬ. Да тебя эбиен⁷ назвала. Как узнала, что родилась девочка, так сразу заявила, что назовет тебя Гульнаррой и чтобы никто противиться не смел. Грозилась проклясть. Ты первая внучка. До тебя, посчитай, сколько пацанов? Шестеро!

ГУЛЯ. Хоть бы Гульнаррой записали, а то – Гюльнара. Нелепо звучит: Гюльнара Алексеевна.

СВЕТЛАНА. Так это паспортистки намудрили.

МАТЬ. Ладно, разболтались, сороки. Ты так ничего и не рассказала. Что тебе сказали в клинике?

СВЕТЛАНА. Что все возможно. Что надо пройти определенные исследования, подготовиться, сдать материал, а дальше уж своя процедура.

МАТЬ. Платно это?

СВЕТЛАНА. Мам, я ж на очереди стою. Пока мужчину найду – глядишь, подойдет.

Гуля делает знаки сестре, мол, чего несешь, но Светлана не реагирует.

МАТЬ. Э-э... Что значит – мужчину найду?

СВЕТЛАНА. Да ничего. Не выходит у нас ничего с Олегом. Разводиться будем.

МАТЬ. Как – разводиться? Вы с ума сошли?

СВЕТЛАНА. Сошли-сошли.

МАТЬ. Что ты отмахиваешься? Рассказывай, что случилось.

СВЕТЛАНА. А то непонятно, что случилось! Ты можешь оставить меня в покое? Хоть раз в жизни – оставьте меня все в покое! Как будто никто не знает, что у нас происходит!

МАТЬ. Не кричи на мать. Успокойся – поговорим. Нервная стала – сил нет. И это... отцу не смей говорить такое.

Собирает полотенца и уходит.

⁵ Маржя-кияу – маржа (разг.) – «человек, не говорящий по-татарски», в зависимости от интонации может звучать как шуточно, так и очень пренебрежительно; кияу – зять.

⁶ Эби, бабай – эби – бабушка, бабай – дедушка

⁷ Эбиен - твоя бабушка.

Какое-то время на кухне стоит тишина. Только Светлана перекачивает по блюду чашку. Звук раздражает, но Гуля молчит.

СВЕТЛАНА. Ну, не скажешь же маме, что я за Олега замуж ей назло вышла.

ГУЛЯ. А кому хуже сделала?

СВЕТЛАНА. Мда, если бы можно было время вспять повернуть, я бы ни за что не отказалась от Дамира.

ГУЛЯ. Что-нибудь о нем знаешь?

СВЕТЛАНА. Знаю. Живет в Питере. Женат на той девчонке 12 лет уже. Детей тоже нет. Богат даже.

ГУЛЯ. Вот как! Знаешь, все, с кем я расставалась, когда-то дружила, - все чего-то достигли. Живут по коттеджам, мотаются по заграницам, дети у них учатся за границей. А мы, чтобы в Прагу съездить втроем, год копили деньги. Нет, я не завидую, что ты. Просто как-то неуютно. Встречает тебя одноклассница и вопросы: замужем? Дети есть? А где живешь – неужели в двушке? А машина какая? Ой, а отдыхала нынче где – я-то вот на Бали четыре месяца провела... И никому не интересно, что ты кандидатскую защитила, что сын республиканскую олимпиаду по химии выиграл. Ты не «в тренде», оказывается.

СВЕТЛАНА. Как-то я зашла в торговый центр. Анализы сдавала натошак, решила кофе попить. Зашла и ... В общем, отовсюду на меня смотрели шубы, золотые украшения, бриллианты, пуговицы с позолотой, блестящие пряжки на всем: сумках, обуви, пальто и плащах, лакированная обувь. Все блесело и давило со всех сторон. И два цвета – золотой и красный. Меня чуть не затошнило. А ценники били просто в глаза: 7 тысяч, 12 тысяч, 18 тысяч... платье за 56 тысяч... Слушай, все это производят и производят... Я думаю: если все это взять и раздать людям, то барахла этого хватит на всех жителей планеты и еще останется. Ты представляешь? Товары производятся и производятся, а потом выбрасываются, помойки и свалки растут... За чем люди гонятся? Причем, не только обеспеченные. В тех же магазинах эконом-класса полки и корзины со шмотьем просто валяются - каждую неделю у них новое поступление. За всю жизнь не переносить... А?

ГУЛЯ. Глупости тебе какие-то лезут в голову, систер.

СВЕТЛАНА. Тошно всё.

ГУЛЯ. Займись карьерой.

СВЕТЛАНА. Какая карьера? Я и так уже начальник отдела, а толку? Кем ты там ни стань – даже если директором, суть все одна: заниматься фигнёй. Я заказчику 12 вариантов слоганов предложила! Он месяц мурыжил – катал слова на языке, оценивал. Потом пришел и сказал: «Я лучше вас сочинил, вот: «Батончик «Дюжина»: утром съел – и сыт до ужина!». Вот скажи, чем я занимаюсь, а? Лгу тысячам людей о преимуществах той или иной фигни, зазываю купить какую-нибудь фигню, обещаю излечить какую-нибудь фигню очередной фигнёй. Вот для этого люди рождаются на свет? Чтобы...

ГУЛЯ. ...чтобы заниматься фигнёй и говорить, что жизнь фиговая. *(Обе смеются).*

Сцена 2.

Входит МАТЬ, выглядит как-то странно, лицо практически плачущее, руки трясутся, в руках медкарта СВЕТЛАНЫ.

МАТЬ. Светочка, ты можешь объяснить, что это? что это такое? Нэрсэ бу?⁸

Светлана встает, немного пятится.

МАТЬ. Тут... тут... ты делала аборт? Как? Как ты могла? Зачем?

Светлана молчит.

МАТЬ. Когда? Почему тут написано, что ты делала аборт? Когда ты его делала?

СВЕТЛАНА. Когда мне было восемнадцать.

МАТЬ. Когда? Восемнадцать? Почему я узнаю об этом спустя столько лет?

СВЕТЛАНА. Потому что это мое дело, моя жизнь.

МАТЬ. Твоя жизнь? Твоя жизнь? Да если бы ты тогда родила, ты бы не бегала сейчас по клиникам. Почему, почему ты не сказала?

СВЕТЛАНА. Потому что тебе помимо меня с ребенком нужен был еще «муж»! Чтобы все было как у людей. Чтобы свадьба, чтобы ребенок законный. И уж, конечно же, не от Дамира.

МАТЬ. Ты ... от Дамира...

СВЕТЛАНА. Да, мамочка. Не ты ли говорила, что яблоко от тыквы недалеко падает и что я буду лет двадцать передачи в тюрьму носить? Ах, как это неприлично – выходить замуж за человека, у которого папа спекулянт! Ты хочешь стать женой спекулянта? – кричала ты мне. Ах, как же это нехорошо, когда 17-летнего мальчика вдруг ловят на рынке с двумя парами кроссовок! Мама, вспомни, через полгода разрешили всем торговать чем угодно когда угодно и где угодно! И это была уже не спекуляция, а рыночная экономика!

МАТЬ. Ну я же не знала, что все так изменится.

СВЕТЛАНА. Ты... Ты все время живешь по каким-то дурацким правилам. Выстроила из них (*показывает руками нечто мощное*) броню! От тебя только слышишь: «Ой, а что люди скажут?», «Ой, лишь бы папа не знал», «Как перед людьми-то стыдно», «Это неприлично», «Это некрасиво», «Что скажет отец». Как я могла тебе сказать? О чем с тобой можно было говорить? Это же было не по твоему плану – родить без мужа! А мужа у меня бы не было – ты все делала, чтобы мы расстались. Не ты ли ему сказала... Впрочем, какая разница уже теперь.

ГУЛЯ. Света, Света, перестань...

СВЕТЛАНА. Отстань, Гуля. У тебя, в отличие от меня, все правильно было. Как мамочка и папочка захотели. Как положено – замуж! Штамп! Ребенок! К тебе претензий нету.

МАТЬ. Ты... ты могла прийти ко мне и рассказать... Мы бы поговорили. Я бы поняла. Мы бы растили этого ребенка...

СВЕТЛАНА. Ты бы не поняла!

МАТЬ. Почему же не поняла бы? Я ж тебя люблю. Ну не выгнала же бы я тебя...

СВЕТЛАНА. Ты бы не поняла! Вспомни, что ты кричала, когда узнала о том, что Дамира милиция задержала. «Не смей с ним общаться! Я запрещаю. А иначе расскажу все отцу!». Дома меня заперла...

МАТЬ. И все же надо было рассказать...

Незаметно для всех входит ОТЕЦ, остановился в дверях.

---

⁸ Нэрсэ бу? – Что это?

СВЕТЛАНА. Зачем? Какой был в этом смысл, мама? Ты ж ничего и никого не видела, кроме отца. Ах, папочку нужно беречь, папочку нельзя расстраивать. «Папочка вам задаст перцу». «Не смей хулиганить, а то скажу отцу». «Отец запретил». «Отец велел». «Отец приказал». «Отец убьет». Виданое ли дело – в подоле принести. Монстр прям – не отец!

Тут Светлана замечает отца.

СВЕТЛАНА, Да, папочка, такая вот суровая правда. Я у тебя неправильного воспитания получилась, вся в тебя – с мальчиком погуляла в молодости. Зато в подоле не принесла! Можешь радоваться.

МАТЬ. Света, побойся бога! Как ты с отцом, как ты об отце... Как ты смеешь так разговаривать!

СВЕТЛАНА. Мама, Бог-то тут причем? Ты-то к нему какое имеешь отношение? Ты же даже не знаешь, как его зовут!

Резко разворачивается и выходит из комнаты.

МАТЬ. А разве... а разве у Бога есть имя?

Отец что-то силится сказать вслед Светлане, но слова у него застревают в горле. Тогда он поворачивается к матери.

ОТЕЦ. Ты...ты... ты меня таким бесчувственным тираном выставляла. Но почему?

МАТЬ. А как мне было, по-твоему, детей удержать? Как их было одной воспитывать? Ты на своем заводе пропадал день-деньской, иной раз ночевать не ходил – когда очередь пускали, цеха открывали. А ведь не только по работе ночевал. Ты вот детям расскажи, как ты иной раз на диванчике у себя в кабинете с бабами в обнимку лёживал. То с замшей своей, то с мастером Тонькой. Мало что ли я слез пролила? Да ведь если бы тогда ты под балку не попал, я бы с тремя детьми в охапку ушла бы – только ты б меня и видел... (плачет). Не ушла – тебя выхаживала.

Гуля всю ссору стояла молча у стены. Наконец-то она очнулась, идет к двери.

ГУЛЯ. Я пойду, пожалуй.

Гуля уходит. Какое-то время родители сидят молча, слышны только всхлипывания матери в фартук.

МАТЬ. Как же теперь жить-то, Леша?!

Молчание.

ОТЕЦ. Обедом меня кто-нибудь кормить будет?

Мать вытирает слезы, встает, наливает мужу суп, кладет приборы. Отец ест.

МАТЬ. Сыты, одеты-обуты, уроки сделаны, ведут себя хорошо, учителя не жалуются. Думала, вот счастье-то какое – с детьми как повезло. А тут прям и не знаю, что теперь делать. Я что ли не старалась? И в музыкальную школу водила, и в кружки всякие, и уж сколько мы с тобой пахали, чтобы выглядели хорошо, и на море их возили, и чтобы и велосипед был, и коньки. И даже ролики достали – во дворе ни у кого не было тогда их...

ОТЕЦ. Видишь, не ролики им твои нужны были... Мда, и я тоже чего-то не понял. Сашка вырос – не мужик как будто, все под юбкой сидит. Мне казалось, вот я есть пример, дед ему пример. У Гули там что происходит – тоже непонятно, Толик вроде попивать начал...

МАТЬ. Как – попивать? А что ж Гуля-то ничего не говорит?

ОТЕЦ. Ну ты сама сегодня видела... много чего они нам рассказывают. И Свету... того... не трогай.

МАТЬ. Да все покоя мне мысль не дает. Ну как же она на аборт-то пошла?

ОТЕЦ. Уже не исправить.

МАТЬ. А помнишь, как Свету мы взяли?

ОТЕЦ. Помню. Сколько ей месяцев было тогда? Два-три? Улыбалась когда, шею вбок вот так вытягивала. Ты все переживала, что ни на тебя, ни на меня не похожа. И что имеем? Была блондинкой, а стала темненькой. А потом вообще перекрасилась. И сам черт не разберет теперь, кто на кого похож – с модой этой вашей женской.

МАТЬ. Я смотреть на нее не могла, все время плакала. На дежурство приду - все дети спят, эта не спит, глазенки таращит, чего-то там лопочет, потом засунет кулак рот и причмокивает. Только отойдешь от нее – она так громко, по-женски, вздохнет и опять кулак сосет.

ОТЕЦ. Ты так над ней носилась - как наседка. В двадцать кружков таскала, от каждого чиха ее вздрагивала. Как будто оправдывалась перед кем-то: вот, мол, смотрите, над чужим ребенком я пластаюсь больше даже, чем над своими. Кому доказывала? Чего?

МАТЬ. (*сердито*). Скажешь тоже. Гуля сама гимнастику бросила, Саша с тобой из гаража не вылезал. А когда болели – так же пласталась. Просто Света с детства болезненная была, хрупкая.

Телефонный звонок. Мать подходит к телефону.

Звонок от Сани.

МАТЬ. Да, Сашенька. Да, конечно. Ну что ты. Конечно, посижу. Нет, никаких планов. Хорошо. Привет Вике и Дашеньку поцелуй. Хорошо, к 10 приду.

ОТЕЦ. Санька что ли?

МАТЬ. Да. Просят с Дашей завтра посидеть. Вике в поликлинику надо.

ОТЕЦ. Заболела?

МАТЬ. Да ничего серьезного. Фурункул какой-то выскочил, вскрывать к хирургу пойдет.

ОТЕЦ. Путёвку-то в садик еще не дали?

МАТЬ. Нет, еще. В очереди.

ОТЕЦ. Пошел я, мать, на работу. Заобедался тут с вами.

(стоит в дверях из кухни)

МАТЬ. Что там? (*шепотом*).

ОТЕЦ (*выглядывая в коридор*). Тихо у нее (*вполголоса*). Спит, наверное... Или читает. На работу ей не надо что ли?

МАТЬ. В отпуске со вчерашнего дня.

Уходят оба.

Сцена 3

Утро следующего дня.

ГУЛЯ сталкивается с матерью в дверях..

МАТЬ. Гуля, если задержусь, отца накормишь? Все на плите. Разогреешь. Свету не буди – пусть выспится. Я с Дарьей посижу, пока Вика сбегает по делам.

ГУЛЯ. Иди, иди...

Гуля, мурлычет под нос песенку, достает чашку, наливает чай, шарит в шкафу, достает конфеты.

Появляется заспанная Света в халате. Берет чашку и тоже наливает себе чай, садится.

СВЕТЛАНА. Вы теперь и завтракать ходить повадились, родственнички?

ГУЛЯ. Когда платье мерить будем? Я вчера за этим приходила.

СВЕТЛАНА. Извини, я его еще не доделала... Ну, что решили вы, куда Максим поступать будет?

ГУЛЯ. Да вроде решили. На химико-технологический. Хотя я, конечно, всеми силами убеждала идти в медицинский. Медаль нам светит. Правда, серебряная. Отгадай с трех раз по какому предмету четверка?

СВЕТЛАНА. Неужели татарский?

ГУЛЯ. Он самый.

СВЕТЛАНА. Надо было на каникулы его к эбике⁹ отправлять - научился бы.

ГУЛЯ. Слушай, а может быть вам усыновить ребенка?

СВЕТЛАНА. Я хотела, но Олег уперся. Ты знаешь, мы подали заявление на развод? В понедельник развод.

ГУЛЯ. Все-таки подали...

СВЕТЛАНА. Разве можно так жить? Если бы я хотя бы родила ребенка, все было бы по-другому...

ГУЛЯ. Было бы еще хуже. Ты бы вымещала на ребенке свою неудачную супружескую жизнь.

СВЕТЛАНА. Нет.

ГУЛЯ. Вымещала б. Поверь мне.

СВЕТЛАНА. У нас на работе новенькая появилась – Диляра. Так она замужем за мусульманином – ну таким, настоящим. Который пять раз намаз читает, не курит, не пьет. Она сама спокойная, скромная. Ходит в хиджабе, в платьях таких длинных. Говорит, что ислам им помогает строить хорошую семью. Что, по исламу, муж просто обязан заботиться о жене, быть великодушным... Ощущение, что у них просто идеальная семья. Муж каждый день ее забирает с работы. Вежливый. С достоинством. Таким спокойствием от него веет.

ГУЛЯ. Ну-ну.

СВЕТЛАНА. Я иногда думаю, что если бы я вышла замуж за мужчину с ребенком...ну, например, у него мама умерла... Я бы его воспитывала, любила. Бог бы пожалел меня...я бы забеременела... Говорят же, что... как это сказать... ну врата открываются что ли...

ГУЛЯ. Усыновить сироту из детдома – та же история.

СВЕТЛАНА. Мужчина с ребенком – он по-другому будет относиться к жене. Он же будет искать в ней мать для своего ребенка, а значит, будет уважать.

ГУЛЯ. Ой, не факт.

СВЕТЛАНА. Мне кажется, я уже как больная. Навязчивая мысль – ребенок, ребенок. У нас в печатном отделе постоянная вакансия приемщицы заказов. Каждые полгода уходят в декрет. Все смеются, что стул у них волшебный – беремчатый. Я даже как-то специально на ночь осталась под предлогом того, что у меня срочный заказ. Полночи сидела на этом стуле и медитировала.

ГУЛЯ. Дурёха! Подружись прежде сама с собой. Вот тогда все наладится – и мужчина будет тот, который нужен, и ребенок, и работа та, которая нравится.

⁹ Эбика – бабушка (уменьш.-ласкат.)

СВЕТЛАНА. О, да, наш домашний психолог, кандидат наук! Как же, как же мы тебя слушаемся. Ты б себе помогла. А то пашешь-пашешь, в пяти институтах преподаешь, а муж ниже прожиточного минимума зарабатывает.

ГУЛЯ злится.

СВЕТЛАНА. Ниже своего прожиточного минимума (*изображает руками мужское брюшко*), я имею в виду. Ладно, не сердись. Ну, тоже мне мужик - повесил все на тебя.

ГУЛЯ. Нет, сестренка, ты ошибаешься. Он силы копит просто. И скоро все выстрелит.

СВЕТЛАНА. Ага, главное, чтобы жертв после выстрелов не было.

ГУЛЯ. Слушай, давно хотела спросить, ты ничего такого не слышала дома? Я помню из детства какой-то разговор... родители, родственники. Смутно, конечно. О том, что как будто кого-то из нас усыновили или удочерили. Что-то всплывает про приемного ребенка. Как думаешь, это может быть правдой?

СВЕТЛАНА. Наверное, это я. Столько косячить, сколько я - ни на кого из вас в этом непохожа!

ГУЛЯ. Не-е, я бы помнила. Я ж помню тебя грудную и даже как из роддома привезли. Приемный ребенок, даже если он есть в нашей семье, - это я. Ну почему у вас сочетание имени-фамилии-отчества нормальное, а у меня несуразное? Аксёнова Гюльнара Алексеевна!

СВЕТЛАНА. Ага. Полстраны со странными именами, а она еще чего-то переживает. Я вот тут недавно визитками занималась для одного товарища... Знаешь, как его зовут?

ГУЛЯ. Как?

СВЕТЛАНА. Шамсиев Дезире Альбертович!

ГУЛЯ смеется.

ГУЛЯ. Дезире в переводе с французского, кажется, означает «желанный».

СВЕТЛАНА. А еще я знавала одного директора цирка со странным именем, которое он сам себе придумал и вписал в паспорт. Фррранцузское!

ГУЛЯ. Как вписал? Ручкой?

СВЕТЛАНА. Нет, конечно, паспорт поменял. И отчество сделал из имени Луи. И все потом язык ломали, как правильно произнести, чтобы «батю» не обидеть: Луиевич или Луивович? А он всегда подчеркивал, что имя Луи обозначает «знаменитый воин». А батю-то небось звали просто Ваня. Или Леониддд...

Смеются.

В дверь влетает Саня, за ним идет мать. Оба взбудораженные, шумные, в хорошем настроении. Саня бросается к сестрам, начинает обнимать, целовать.

ГУЛЯ (*морицится*). Саня, ты бы прежде чем целоваться лезть – не курил.

САНЯ. Девчонки! Ура! У нас такая новость! Ну прям такая новость!

МАТЬ. Ой, весь желудок мне перетряс, акылдан язган¹⁰! Обнимать замучил. Дай передохнуть-то хоть!

ГУЛЯ. Путевку в садик дали?!

САНЯ. (*смешно приплясывает*). Не-а, не дали! Там-тим-там-тим-там-там (*напевает мелодию «Бас, кызым, эпипэ»*)¹¹. Девочки! Я снова буду папой! Викулька беременная! Это будет обязательно мальчик!

¹⁰ Акылдан язган – дословно – сошедший с ума

¹¹ «Бас, кызым, эпипэ» - татарская народная плясовая

Галдят, перебивая друг друга.

ГУЛЯ. Беременная! Мальчик! Ну вот к чему рыба снилась.

МАТЬ. Представляешь, мне сказала, что какой-то ей прыщ на ноге удалить надо, а она на узи бегала. Вруша такая! Ну хоть бы сказала правду.

ГУЛЯ. Мама, мама, а срок-то какой?

МАТЬ. Да 8 недель уже, оказывается.

Саня все продолжает свои дикие танцы, входит отец. Все набрасываются на него, оглушают новостью.

- Вика беременна!
- Папа, ты будешь дедом трижды уже!
- Папа, в этот раз будет мальчик – я сказал!
- Не забудьте сразу на очередь встать в садик.
- Это надо отметить!
- Мать, у нас выпить чего-нибудь есть?

Все суетятся, шумят, спешно накрывают на стол.

Шум голосов начинает уходить на второй план, на первом – звучит музыка тревожная, и так же тревожно выглядит на общем фоне Светлана. Она так и застыла у стены неподвижно. Смотрит какое-то время отрешенно на родных, потом, словно очнувшись, уходит в дверь...

Сцена 4.

Несколько дней спустя. Все та же кухня. Работает телевизор. Идут вечерние новости. Мать хлопочет на кухне, убирает со стола, моет посуду. Поглядывает в духовку, на часы на стене. Гуля сидит у стола, ковыряется в телефоне, что-то смотрит, улыбается.

Звонок в дверь. Мать идет открывать, входят два грузчика и с ним мужчина лет 35-40 в пальто, костюме, галстуке.

МУЖЧИНА. Здравствуйте, вот мы и приехали забрать пианино. Куда пройти?

МАТЬ. Что значит – забрать пианино?

Гуля на шум выходит в прихожую.

МУЖЧИНА. Мы же договорились. С вами или с кем там - Людмила, кажется, зовут. Она сказала, что лучше забирать вечером.

В это время в приоткрытую дверь входят отец и Саня.

МАТЬ. Леша, ну ты хоть объясни им, мы не продавали пианино.

САНЯ. В чем дело, ребята? У нас нет никакой Людмилы. Пианино мы не продаем!

МУЖЧИНА торопится, пытается достать телефон из кармана, наконец-то вытаскивает.

МУЖЧИНА. Вот же. Ну, где он...а-а, не Людмила... Светлана... вот мы с ней договорились.(набирает ее). Светлана, добрый вечер. Мы к вам приехали по адресу, но тут ваша родня...Да, передаю трубку.

МАТЬ. *(берет трубку)*. Да, Светочка. Что случилось? Ты что – продала пианино? А как же ты будешь играть? А, ну да, опять твои шуточки. Почему не будешь играть? Хорошо, кызым. *(отдает трубку Мужчине и поворачивается к отцу)*. Ничего не понимаю...

ГУЛЯ *(с нетерпением)*. Мама, что она сказала?

МАТЬ. Что она не будет на нем играть, а будет играть на наших нервах. Ну это ее шуточки такие, знаете ли. И про какой-то грех еще она сказала... Ничего не понимаю...

Саня с грузчиками в это время выносят пианино. Все раздеваются.

МАТЬ. Гуля, давай накрывать на стол. Мужиков кормить надо.

Все садятся за стол.

МАТЬ. Хотя бы кто объяснил, что происходит.

ОТЕЦ. Странный вы народ, женщины. Вам все надо разьяснить, разжевать. А может, не хочет она ничего объяснять? Может, не от сладкой жизни она у нас теперь живет. Тут понять надо, а ты разьяснений требуешь!

САНЯ. А что тут непонятного? Муж – кобель, алкаш, я бы его придушил своими руками, да в тюрьме сидеть неохота.

МАТЬ. Еще чего удумал?

САНЯ. Ма, да че ты в самом деле! Все сразу за чистую монету принимаешь. Я тебе сказал – не собираюсь я его трогать. Надо больно.

ОТЕЦ. Пусть разводится. Успеет и замуж выйти еще и родить.

ГУЛЯ. Да они уже развелись.

МАТЬ, ОТЕЦ *(практически хором)*. Когда?

ГУЛЯ. Неделю назад. В ЗАГСе. Без детей быстро разводят. По согласию сторон.

МАТЬ. Вот те раз!

ГУЛЯ. Да успокойтесь вы уже. Все у нее нормально. Ищет она.

МАТЬ, ОТЕЦ, САНЯ *(хором)*. Кого? Мужа?

В дверь тихо входит Светлана. Она совсем не похожа на себя – спокойная и даже одухотворенная, но все такая же красивая. В длинном одеянии (со вкусом), в хиджабе – то есть по мусульманскому обычаю. Смотрит на близких, улыбается.

ГУЛЯ. Себя... *(видит Светлану, растерялась от неожиданности)* И кажется, уже нашла...

Все оборачиваются туда, куда смотрит Гуля. Все изумлены.

Действие II

Сцена 1. Спустя неделю.

Звучит Сайидуль-Истигфар (просьба о покаянии):

«Аллахумма анта Рабби ля иляха илля ант. Халяктани ва ана абдука ва ана 'аля ахдикя ва ва 'дикя маста та'ту. А'узу бикя мин шарри ма сана'ту, абу'у лякя би ни'матикя алайя ва 'абу'у лякя би замби фагфирли фа'иннаху ля ягфиру з-зунуба илля анта».

На коврике склоняется в молитве женщина. Это Света.

Молитва заканчивается, Света поднимается, забирает коврик, уходит. Свет включается - та же кухня. Гуля помогает матери лепить пельмени.

Гуля. Ну как – не передумала? (*кивает на дверь*).

МАТЬ. Снять хиджаб? Нет, что ты. По-моему, это все очень серьезно.

ГУЛЯ. Да ну?

МАТЬ. Точно, я тебе говорю. Понимаешь, бывает, что человек какую-нибудь блажь вобьет себе в голову и носится с ней. Но если его сомнения одолевают - это видно. А здесь она прям крепко стоит на своем. Не собьешь! Ощущение, что ее года два обрабатывали.

ГУЛЯ. Ну ты совсем уже, мама. Это же не секта, чтобы ее туда затаскивали.

МАТЬ. Ну это с какой стороны посмотреть...

ГУЛЯ. Да ни с какой, мама. Может, ей так легче жить, а?

МАТЬ. Не знаю, я в этом деле не советчик. Меня атеисткой воспитывали, хотя... (*задумывается*) эбиен¹² ведь какие-то молитвы все равно знала и мне в мешочек зашивала, когда я уезжала из деревни. Вот скажи после этого, что она всю жизнь свою агитатором и в сельсовете работала.

ГУЛЯ (*улыбаясь*) В партии не состояла?

МАТЬ. Нет, конечно. Раньше даже беспартийные были идейными.

ГУЛЯ. И что - Светка прям намаз пять раз читает в день?

МАТЬ. Читает. Книги мусульманские притащила, в мечеть уже ходила пару раз на какие-то занятия.

ГУЛЯ. Мда... Видать, серьезно ее прихватило.

МАТЬ. Ой, видеть ее не могу в этом наряде. Душа не принимает. Я еще хотела с тобой вот о чем поговорить. Гуля, может, Света у тебя сегодня переночует?

ГУЛЯ. Да пусть ночует. А что – у вас гостей много? С чего вдруг сегодня торжество?

МАТЬ. Нет никакого торжества. Кодалар¹³ придут, поэтому и готовимся. Будем держать семейный совет. А без выпивки никак не обойдется. Да чтоб отец со сватом бутылочку не раздавили? Вот надо Свету к тебе и отправить...

ГУЛЯ. В смысле? Это из-за того, что папа с гостями пить будет?

МАТЬ. Ну да. При ней как пить? Она ж теперь у нас вся правоверная такая...

ГУЛЯ. Здрасьте. А может нам всем паранджу надеть?

МАТЬ. Не язви. Тут на днях отец с работы пришел, налил себе за ужином рюмку. Света вышла, увидела, демонстративно пошла и вылила водку из графина. Ох, отец бушевал... Такой скандал был!

¹² Эбиен – твоя бабушка

¹³ Кодалар - сваты

ГУЛЯ. Света тоже скандалила?

МАТЬ. А то! Потом прощения просила. Смирение ей, видать, *(со смешком)* нелегко дается. С ее-то упертым характером.

ГУЛЯ. Да, весело у вас. Олег не объявлялся?

МАТЬ. Куда там! Говорят, гуляет опять. Каждый день по ресторанам-кабакам, друзья-товарищи... А там, где бутылка, там уж и баба точно есть.

ГУЛЯ. Да какая баба будет с алкашом-кобелем жить?

МАТЬ. Нормальная не будет. Да какой он алкаш? Алкаш – когда под забором валяется. Этот просто весело проводит время. А на чужие деньги и укус сладкий – покутить народ быстро собирается. Ну и бабы там веселые тоже отираются...

ГУЛЯ. Ну ясное дело. А семейный совет-то по поводу чего? Будете решать – рожать Вике или не рожать?

МАТЬ. Думай, что говоришь! Квартирный вопрос надо решать. Второго ребенка появится – вчетвером будут ютиться в однушке?

ГУЛЯ. А-а... уф... испугалась совсем... И что делать-то?

МАТЬ. Хотела бы Викиных родителей услышать. Пусть тоже денег дают – добавить на квартиру. А то однокомнатную мы покупали, если ее продать, мы все равно трехкомнатную не потянем.

ГУЛЯ. А зачем трехкомнатную? Пусть меньше берут. Двушку.

МАТЬ. Разница в цене между двух- и трех- не слишком большая, а если брать еще вторичку, то можно выгодно купить. Все равно придется кредит брать, добавлять. Какая разница за какую платить – трех или двух?

ГУЛЯ. Понятно.

Некоторое время молча лепят пельмени.

МАТЬ. Ты мне лучше вот что скажи, что у вас там происходит – Толик что ли пить начал?

ГУЛЯ *закончила лепку, моет руки, вытирает, садится.*

Да не пил он, просто иногда выпивал. Но...сядь, мама, пожалуйста. У меня для тебя новость.

МАТЬ. *(с подозрением)*. Ну у нас как раз новостей и надо бояться. Что ни день – то развод, то приплод.

ГУЛЯ. В общем, мы с Толиком открываем свой бизнес.

МАТЬ. Да елки-моталки! Ты что – уволилась???

ГУЛЯ. Ну нет, конечно. Мама, успокойся, не уволилась.

МАТЬ. Что там опять за мифические проекты у вас?

ГУЛЯ. Помнишь тетку Тоню на нашей свадьбе? Сестра свекровкина...

МАТЬ. Ну...

ГУЛЯ. В общем, тетя Тоня переехала к родителям Толика...

МАТЬ. *(с нетерпением)*. Ты уже это говорила...

ГУЛЯ. Да, год назад. А этим летом она продала свой дом. Будет жить у свекрови – там места много, уход все-таки... А деньги... деньги, мама, она решила отдать Толику!

МАТЬ. И что – вы магазин открываете что ли?

ГУЛЯ. Ну почему магазин сразу? Консалтинговое агентство.

МАТЬ. А что это?

ГУЛЯ. Бизнес-консультирование. Всякие услуги – юридические, экспертные, агентство переводов, образовательные всякие семинары и тренинги, и... кабинет психологической службы!

МАТЬ. И что? Таких кабинетов, наверное, пруд пруди по Казани. Провалитесь!

ГУЛЯ. Мама, мы готовились, мы все продумали, Толик все организовал! У него же незаконченное юридическое, решил закончить институт. Офис, компьютеры, сотрудники - все есть! И деньги есть – мы остаток на счет положили под проценты. А зарабатывать мы сможем. У меня уже 4 клиента записалось! А рекламную кампанию поможет придумать Света!

МАТЬ. Ну вот скажи, ну какие из вас, к шуту, бизнесмены?

ГУЛЯ. Эх, мама... Ну если ты, ты - моя мама, в меня не веришь, кто тогда поверит?

МАТЬ. Верю. Но боюсь. Выше головы не прыгнешь.

ГУЛЯ. Вот-вот, ты только это и любишь повторять. «Выше головы не прыгнешь»... «Знай сверчок свой шесток». Ты хоть одну положительную поговорку знаешь?

МАТЬ. Знаю. *(смеется)*. Одна голова – хорошо, две – лучше. Посоветуй, какие салаты готовить?

ГУЛЯ. Мама, я пас. По салатам Светка спец. *(наливает себе и матери чай, усаживается)*.

МАТЬ. А я чай попозже буду. Есть хочу – будешь творог?

ГУЛЯ отрицательно кивает головой.

Мать достает из холодильника миску с творогом, ест. Гуля через какое-то время лезет своей ложкой в миску матери, подхватывает творожок и кладет в рот. Мать бьет ее слегка по руке.

МАТЬ. Гуля, ярамый.¹⁴ Иди себе отдельно положи.

ГУЛЯ. Да ладно, что такого?

МАТЬ. Есть такое поверье: матери нельзя кормить ребенка из своей тарелки. У матери обязательно должна быть своя доля (өлеш). И когда даже еду какую-нибудь делишь на части, то обязательно себе должна тоже выделить кусок.

ГУЛЯ. Почему?

МАТЬ. Потому что считается, что если мать отдает ребенку свою долю, то он вырастет неблагодарным, в старости потом не будет ее кормить, ухаживать за ней.

ГУЛЯ. Мама, да ты сама нам в детстве отдавала сладости.

МАТЬ. Это другое. Сначала я делила на всех, а потом уж когда мне есть не хотелось – говорила вам, чтобы вы кушали мой кусок.

ГУЛЯ. *(рассуждает)* Это даже интересно, и с точки зрения психологии это даже как-то объяснимо. Родители не должны слепо жертвовать собой ради детей... Хороший пример для воспитания ребенка... Знаешь, меня всегда удивляли тетки, которые в автобусе сами стоят, а сыночка обязательно посадят. Потом удивляемся, почему мужики такие... не мужественные – ни дверь придержать, ни место уступить... Сами женщины мужчин портят с детства. А вот про благодарность я бы не додумалась.

МАТЬ. У нас в деревне старики так говорили.

ГУЛЯ. Настоящие психологи. Народные прям! *(После паузы)*. Mam, а можешь рассказать, почему мы из Челнов сюда переехали?

МАТЬ. Отцу предложили работу – поехал. Тут он сразу начальником участка стал, потом начцеха.

ГУЛЯ. А не потому ли, что меня усыновили?

Пауза.

МАТЬ. С ума сошла?

¹⁴ Ярамый – нельзя.

ГУЛЯ. Я помню разговор об этом с Танзилёй-апа¹⁵. Просто дети запоминают практически все, только не всегда это понимают. А потом, когда вырастают, вспоминают эти разговоры и начинают осознавать...

МАТЬ. Почему ты так решила? (*мать напугана*)

ГУЛЯ. Или это был Саша? Почему у нас нет фотографий из роддома? Других младенческих фотографий? Наши с Саней фото начинаются где-то от 6 месяцев... Кто из нас приемный? Мама!

МАТЬ. Никто. А фотографий нет, потому что в 70-е не было у нас своего фотоаппарата. Да и у друзей не было. Это сейчас чего только нет.

ГУЛЯ. Ма-а-а-ама!

МАТЬ. Никто из вас. (*после паузы*) Мы удочерили Свету.

ГУЛЯ. Как – Свету? Не поняла, почему Свету?

МАТЬ. Потому что.

ГУЛЯ. Кто ее родители? От нее отказались?

МАТЬ. В поселке Кама стояли вагончики строителей КАМАЗа, когда закрыли фельдшерский пункт, людей уже по квартирам расселили к тому времени, я пошла работать в роддом городской – в детское отделение. Ухаживала за детьми, носила их на кормление мамашам. Вот там и была Светочка... (*после паузы*) Ее мать умерла. Ей нельзя было рожать – порок сердца. Она решила рожать, несмотря на запрет врачей. Забеременела, в консультацию на учет не встала... Во время родов сердце не выдержало... 22 года.

ГУЛЯ. О, господи...

МАТЬ. Муж пришел забирать только тело жены. Шок, ребенка забирать не стал, сказал, что без жены ему ребенок не нужен. Ждали его почти три месяца. Наша зав два раза ходила его уговаривать. Второй раз пришла, а у него жена новая. Мы через год уехали. В нашем подъезде бабы – сплетницы сплошные были...

ГУЛЯ. (*осененная какой-то мыслью*) Мам, понимаешь, может, поэтому у нее не складывается с мужчинами, а? Ну как это сказать-то? Кармически что ли?

МАТЬ. Чушь.

ГУЛЯ. Ну понимаешь, подсознательно... ее предал самый главный мужчина в жизни... обида на отца...

МАТЬ. Ерунду не пори. Ты еще сюда инопланетян приплети. За что тебе кандидата наук только дали! Кажется в этом доме все меньше людей в здравом уме остается. Одна в религию вдарилась, другая в мистику.

ГУЛЯ. В эзотерику...

МАТЬ. Один хрен разница!

ГУЛЯ. Ма-а-ма!

МАТЬ. Что? Да я с вами скоро уже материться начну.

ГУЛЯ. Мама, Света должна об этом знать. Иначе никогда не простит.

МАТЬ. Узнает, только не торопи меня. Дай тут с квартирой разобраться... Да и у нее самой голова кругом еще от перемен. А ты ни-ни - ни слова. Мы сами с отцом скажем.

ГУЛЯ. Ну конечно. (*подходит, обнимает мать за плечи*). Мама, какая же ты...

МАТЬ. Какая?

ГУЛЯ. Добрая. Любого согреешь...

---

¹⁵ Танзиля-апа – «Апа» - уважительное отношение к старшей сестре, женщине, «тётя». (например, «тетя Лена»)

МАТЬ. (*смахивает слезы*). Иди уже, кызым. Я сейчас на рынок сбегаю. Тесто подойдет скоро на пироги, а у меня начинки нет.

Входит Света.

СВЕТЛАНА. Какие молодцы, мне работы не оставили!

МАТЬ *собирается уходить*.

СВЕТЛАНА. Mam, я у Гули переночую сегодня, ладно?

МАТЬ. Пельмени возьмите с собой.

ГУЛЯ. Mam, у меня дома целый казан плова. Из баранины (*поворачивается к сестре*) – не бойся, из халяльной, у Фархада в лавке купили.

МАТЬ. Вы уж не сердитесь, девочки. Сами знаете, отец со сватом все равно захотят выпить.

ГУЛЯ. Да ладно, мам. Как будто первый раз.

Мать уходит.

Сцена 2.

Гуля и Света готовят салаты.

ГУЛЯ. Ну и как у вас тут обстановочка?

СВЕТЛАНА. Тяжело. С мамой тяжело. Не может смириться. Говорит: видеть тебя не могу в этих балахонах! Я думала, что она-то как раз поймет, а сложнее будет с тобой.

ГУЛЯ. А вышло наоборот? Но я тоже не понимаю, ну почему тебя туда понесло?

СВЕТЛАНА. Почему понесло? Я к этому долго шла. Знаешь, тогда после выкидыша два года назад, когда я лежала в больнице, а Олег три дня не появлялся, где-то пьянствовал, я поняла вдруг, что все, что происходит со мной – это результат какой-то моей ошибки. Что в какой-то момент я что-то сделала не так, а потом и другие вслед за мной ошиблись – и все пошло наперекосяк.

ГУЛЯ. Из ошибок извлекают опыт, а не уходят в религию.

СВЕТЛАНА. Самая страшная ошибка, точнее, грех – это аборт. Убийство в утробе.

ГУЛЯ. Знаю, что в православии есть специальная молитва, этот грех нужно отмаливать всю жизнь. Ну что теперь сделаешь. Миллионы баб делают – и ничего. У меня свекровь золовке, знаешь, что говорит? Та говорит: никогда и ни за что не выйду замуж! А свекровь ей: как не выйдешь, а как же женская судьба – муж, дети, пара-тройка абортотв, кормить-стирать-ублажать?

СВЕТЛАНА. Фу, не рассказывай мне таких вещей больше. В исламе тоже отмаливать грех нужно всю жизнь. А вообще, чтобы в семье отношения были нормальные, тут родители невесты должны сделать все правильно. Понимаешь, они должны свою дочь честь по чести передать в руки мужа, сначала он спрашивает разрешения, а потом уже вот такая трепетная передача. Муж должен видеть, что за ней стоят родители любящие, уважающие, и что они вверяют мужу свою дочь для уважения, заботы и любви.

ГУЛЯ. А что у тебя за спиной прям родителей не было?

СВЕТЛАНА. Не было. Он не сватался, с родителями мы не обсуждали ничего. Спонтанно как-то все получилось. Олег торопил со свадьбой.

ГУЛЯ. Ну в этом только ты сама виновата. Поставила всех перед фактом. Меня вот как-то как полагается отдали.

СВЕТЛАНА. Тебя – да. Сосватали, пропили. Да – все «по-серьезному» было!

ГУЛЯ (*смеется*). Помнишь, мы утром с тобой бутылки считали? 7 бутылок выпили. Ужас. Батя два дня болел. Родственники Толика едва домой доползли. На радостях наверное все наклюкались, что спровадили дочь да сына.

СВЕТЛАНА. И ты еще спрашиваешь, почему я в ислам пошла. Это самая строгая религия. Как рассуждают православные? Если я чуть-чуть выпиваю изредка в праздники – это не грех. В церкви вино наливают. В исламе тяжкий грех – не только употребление спиртного, но нам даже и присутствовать там, где пьют, нельзя. Все, что дурманит ум человека, – это шайтанские деяния.

ГУЛЯ. Это не православные рассуждают. Истинно верующие – не пьют, свято соблюдают посты. Давай-ка ты без сравнений.

СВЕТЛАНА. Хорошо, давай. Семья – это самое главное. Но только если в тебе есть любовь к Аллаху, тогда в тебе будет любовь ко всему и ко всем. С именем Аллаха люди должны строить семью, в любви и в согласии, доверии и понимании.

ГУЛЯ. Ха, ну ты прям истину открыла. А кто мешает тебе в любви и согласии семью строить? Это ж не от Аллаха зависит – от людей. Ну при чем здесь твоя длинная одежда? Сдерживающий фактор что ли?

СВЕТЛАНА. Ты не понимаешь.

ГУЛЯ. Конечно, не понимаю. Ну просто я считаю, что неудачный брак – это не повод идти в мечеть или церковь. Согласие, уважение, понимание – это что, только религией предписано? Это самые обычные человеческие «вещи», или я бы сказала – психологические атрибуты. Нужно просто для себя четко дать ответ на вопрос – кого ты хочешь видеть рядом с собой, какие отношения ты хочешь выстраивать, договариваться о том, как вы собираетесь жить. А то знаешь, рисуют себе молодые картину: ах, мы будем жить счастливо, мы поплывем на лодке в счастливую жизнь... Ага, доплыли до середины Камы, и тут выясняется: ей хочется плыть в Париж, а ему – в Казань. И что делать?

СВЕТЛАНА. Вот! Нужно договариваться на берегу. Семья в исламе – это договор. Это равные права мужчины и женщины. Это любовь и согласие.

ГУЛЯ. Господи, Света, ну для этого вовсе необязательно надевать платок и пять раз в день бить поклоны...

СВЕТЛАНА. Не смей так говорить!

ГУЛЯ. Это твой выбор, сестренка. Но я думаю, тебе нужно было просто успокоиться. Ты красивая, умная – тебе пальцами шелкнуть – сбегутся парни всей Казани, и не только Казани...

СВЕТЛАНА. На что сбегутся? На создание светлой и чистой семьи? Да ты вспомни, ну когда на меня смотрели как на женщину, с которой хотят рожать и растить детей? Маслеными глазами всю жизнь пялятся все: хоть молодые, хоть старые, и богатые, и бедные, а пуще всего – женатые мужики.

ГУЛЯ. Ты просто очень красивая...

СВЕТА. Как говорила Лариса у Островского: на меня всегда смотрели как на забаву... Тратить время на то, чтобы отшивать всяких кобелей? Только Олег среди поклонников выглядел добрым, честным, порядочным...

ГУЛЯ. Ага. Порядочным кобелем.

СВЕТЛАНА. Я хочу встретить человека, который впустил в свое сердце Аллаха, который живет в согласии с самим собой и тоже, как я, хочет хорошую семью.

ГУЛЯ. И где ты такого найдешь? В мечети, во время молитвы?

СВЕТЛАНА. *(улыбается)* Мужчины, и женщины молятся отдельно в мечети. Искать надо мужа в службе знакомств при мечети.

ГУЛЯ. Э-э...

СВЕТЛАНА. Да, сейчас есть такие службы знакомств.

ГУЛЯ. И... как это происходит?

СВЕТЛАНА. Люди заполняют анкеты, в беседе рассказывают, какого человека хотели бы видеть в качестве жены/мужа. Потом подбирают подходящую кандидатуру. Встреча происходит при свидетелях. Причем ничего не позволено – даже за руку взять. Только поговорить. Потом каждый говорит свое мнение служащему мечети. Если человек тебе понравился, то дают телефон – при условии, что тому человеку ты тоже понравилась. Но тогда с другими уже не знакомят. У меня спросили – давать мой телефон тому мужчине, с которым я виделась. Я засомневалась. Я видела – я ему очень понравилась, а вот у меня не щелкнуло просто. Никак.

ГУЛЯ. И когда ты только успела во все это так втянуться?

СВЕТЛАНА. Ты когда-то говорила, что не можешь вмешиваться в мою жизнь, ничего советовать не будешь, и что примешь любой мой выбор.

ГУЛЯ. Я и сейчас могу сказать тебе тоже самое – принимаю. Лишь бы ты была счастлива и спокойна. Но не понимаю. Прости.

СВЕТЛАНА. Если бы ты могла почувствовать то состояние мира и спокойствия, которое у меня, ты бы тоже уже встала на этот путь...

ГУЛЯ. О, нет. Давай, сестер, договоримся. Это твой путь, и ты не лезешь ко мне, и тем более - к родителям. Если я приду к этому – значит, приду (в чем я вообще-то никак не уверена). Нет – так нет.

СВЕТЛАНА. Ты просто не понимаешь.

ГУЛЯ. И очень хорошо. Ты лучше скажи – сможешь мне придумать бюджетную, но эффективную рекламную кампанию?

СВЕТЛАНА. Кампания чего?

ГУЛЯ. Мы получили маленькое наследство. Толика тетка денег нам дала на бизнес. Открываем консалтинговое агентство. Юридические, психологические услуги, агентство переводов...

СВЕТЛАНА. Только собралась из рекламного бизнеса уходить...

ГУЛЯ. Ну, пожалуйста! Ты же знаешь, сколько дерут рекламные агентства.

СВЕТЛАНА. Ну хорошо. Вечером у тебя сядем и подумаем. Покажете бизнес-план.

ГУЛЯ. У мамы ключи есть? Может, уже пойдём?

ГУЛЯ *встает, замечает пустое место – где стояло фортепиано*. А пианино почему продала? Нельзя играть? Музыка – грех?

СВЕТЛАНА. Ну, в общем, она отвлекает сердце от Аллаха...

ГУЛЯ. Света, ну это же бред.

СВЕТЛАНА. Гуля, давай не будем об этом. Мы на разных языках говорим.

ГУЛЯ. Не будем.

Слышен голос Светланы, по телефону говорит матери: «Да, мама, у тебя ключи есть? Да, мы к Гуле пошли. Пока-пока».

Обе уходят.

Сцена 3.

Раннее утро. Светлана возвращается от сестры, входит на кухню. Ставит чайник. Садится попить чаю. Через какое-то время на кухню выходит ОТЕЦ - в майке, в трусах, с большого похмелья.

ОТЕЦ. Привет, а чего это ты так рано?

СВЕТЛАНА. Просто рано встала. Ходила-ходила - у Гули все спят. А мама где?

ОТЕЦ. К Сане пошла, с Дашей посидеть. Вика с Саней на пикник поехали с друзьями. Когда уж им путевку в садик дадут – совсем мать заездили.

ОТЕЦ подходит ближе, от него несет перегаром.

СВЕТЛАНА отмахивается, смотрит осуждающе.

ОТЕЦ. Свет, ну прости, пожалуйста. Ну не могу я бросить это дело из-за твоей религии.

СВЕТЛАНА. Папа, ну ты же взрослый человек. Все пакости и глупости творятся с человеком, когда он шайтана в себя впускает, одурманивает себя. Ладно, пап... *(примирительно)*. Пап, ты бы оделся уж как-то...

ОТЕЦ понимающе кивает, исчезает в двери, потом выходит в темном махровом халате.

СВЕТЛАНА. Пап, может, тебе кофе сделать?

ОТЕЦ. Нет, Свет, и так сердце прыгает как сумасшедшее. Лучше рассольчика попью. *(достает банку из холодильника, пьет прямо из нее)*. Уф... хороший у матери рассол. Ты чего, жулик, такая грустная?

СВЕТЛАНА. Нисколько. Так... думаю... Давно ты меня так не называл. А почему я жулик?

ОТЕЦ. А в детстве ты все время таскала мои инструменты, когда я что-нибудь чинил. Ковыряешься в ящике, я пока отвернулся, потом глядь – *(смеется)* тебя уже нет и какой-нибудь отвертки или молотка тоже нет.

СВЕТЛАНА. Папа, а помнишь, как мы с тобой гуляли раньше? Уходили в деревне далеко-далеко в поле. Или как сидели в больничном саду, а я тебе бесконечно вопросы задавала: а почему? А зачем? А кто это? А что это? Я тебя про цветы спросила – как они называются. Ты думал-думал и сказал: больничные. Я тогда засомневалась – разве могут так цветы называться? Ты говоришь: могут... Лишь потом я узнала, что это бархатцы *(смеется)*. Но упорно всем во дворе твердила: эти цветы называются больничные – мне папа сказал!

ОТЕЦ. Ну я же не знал, что они так называются. Если бы ты меня про ромашки или про васильки спрашивала.

СВЕТЛАНА. А помнишь, как мы в деревне на рыбалку ходили? Наловили с тобой речных бычков, а я еще красноперку поймала – красиву-у-ую... Ты сказал, что это и есть золотая рыбка. Пришли, я бросила ведро у порога, к бабушке побежала, чтобы похвастаться, а кот Васька взял и стащил мою красноперку, сидит и трескает. Не бычков, а самую большую и красивую мою рыбу стащил. Я так плакала... что не успела желание загадать...

ОТЕЦ. А может, нам с тобой опять махнуть на рыбалку?

СВЕТЛАНА. Пап, разве сейчас время для рыбалки?

ОТЕЦ. Щас, погоди. *(шмыгнул в дверь)*

Несет удочку, куртку с капюшоном. Ведет дочь на край сцены, садятся. Накидывает куртку на плечи дочери, надевает ей на голову капюшон. Улыбается – дочь ему в этом наряде нравится. Держат удочку вдвоем.

ОТЕЦ. Ну вот, мы снова на рыбалке. Как в детстве.

СВЕТЛАНА. Папа, а ты браконьерил когда-нибудь?

ОТЕЦ. А как же! Конечно, мы с дядей Димой сети ставили сколько раз. Пока рыбнадзор нашу сеть не унес. Ладно, хоть нас не поймали. Мы сеть на рассвете поставили и ушли, *(со смехом)* жажнули самогонки и... уснули. Бабушка твоя приходит из магазина, говорит, ой, шуму сколько в деревне. Ездил тут инспектор, все выпрашивал, чьи сети. А мы продряхли все это время...

СВЕТЛАНА. А кто у нас сырую рыбу лопал в детстве? Гуля?

ОТЕЦ. Почему Гуля – это ты! Тебя с года уже брали на все маевки. Ты с соской в коляске спала, пока мы купались, рыбу ловили. Проснулась, орешь. Мать с того берега плывет. Гуля тебе рыбку начала совать, чтобы не плакала – смотри, Света, это рыбка. Ты ее хвать – и в рот. Сжевала полрыбины (*смеется*).

СВЕТЛАНА. Ладно хоть, что не золотую рыбку. Хорошие были времена.

ОТЕЦ. И сейчас хорошие, ты вон какая красавица и умница у меня выросла.

СВЕТЛАНА. Папа, а как ты смотришь, если я замуж за мусульманина выйду?

ОТЕЦ. А что – жених уже есть?

СВЕТЛАНА. Наверное, есть.

ОТЕЦ. Ты уверена, что именно так хочешь жить?

СВЕТЛАНА. Уверена, папа.

ОТЕЦ. Не знаю, что и сказать. И ругаться на тебя хотелось, и просто запереть, чтобы ты в мечеть не ходила. Дурость вроде как. А вижу, тебе вроде как хорошо вот так.

СВЕТЛАНА. Хорошо. А еще хорошо, пап, что мы вот так сидим и разговариваем. Давно (*улыбается*) на такую «рыбалку» не ездили...

ОТЕЦ. Так поедем, хоть завтра! Хотя лучше на выходных, конечно. Ну, а жениха-то хоть покажешь?

СВЕТЛАНА. Покажу. Он просить придет. Ты уж постарайся, чтобы все было ... как полагается. Ладно? Мама знает, как правильно.

ОТЕЦ. Постараюсь.

СВЕТЛАНА. Ну и без спиртного, папа. Пожалуйста.

ОТЕЦ. Конечно, дочь.

СВЕТЛАНА снимает капюшон. Ну, что – встаем? (*вскакивает*) У меня намаз скоро.

ОТЕЦ (*встает*). Пойдем. Я пойду прилягу – штормит меня малость.

Уходят.

Сцена 4.

Мать приходит из магазина с пакетами. Ставит на стол, разбирает продукты – в шкаф, холодильник. Выходит заспанный отец.

ОТЕЦ. Который час?

МАТЬ. Пятый. Отошел хоть немного?

ОТЕЦ. Да нормально. Че, мы ж мало вчера выпили. Че там наши – Санька... приехали?

МАТЬ. Ага. Совсем мало выпили! Посмотри на себя в зеркало – алкаш несчастный!

ОТЕЦ. Э-э, полегче!

МАТЬ. Саша с Викой приехали довольные. Погуляли на природе, сосиски жарили. Вика сияет. Я вот в магазин зашла. Света где?

ОТЕЦ. Ушла куда-то – то ли к подруге, то ли еще куда.

МАТЬ. Есть будешь?

ОТЕЦ. Нет. Чайку с лимоном налей что ли.

Мать наливает чай отцу, потом себе.

МАТЬ. Лёша, надо бы со Светой поговорить.

ОТЕЦ. О чем? О женихе?

МАТЬ. Каком еще женихе?

ОТЕЦ. Ну вроде встретила она кого-то там, в мечети...

МАТЬ. Как встретила? А почему я об этом ничего не знаю?

ОТЕЦ. Ну не успела еще, значит. Скажет еще.

МАТЬ. А тебе, значит, успела сказать?!

ОТЕЦ. Ну что ты опять обижаешься как ребенок? Тебе все наперед надо знать.

МАТЬ. Вот благодарность... Пашешь-пашешь, ночи не спишь - растишь, а они тебя даже по-людски ни о чем предупредить не могут!

ОТЕЦ. Ну заверещала! Башка и так трещит – щас ты еще в нее сваи заколачивать будешь. Охолопись!

МАТЬ. Да не буду уже...

ОТЕЦ. Ладно, не сердись. Что сказать-то хотела?

МАТЬ. Да ничего уже!

Пауза. Мать не выдерживает.

МАТЬ. Гуля про усыновление спрашивала. Устроила мне допрос – решила, что она у нас неродная.

ОТЕЦ *поперхнулся*. С чего вдруг?

МАТЬ. Да, мол, фотографий моих из роддома нет. Имя у меня татарское, а не русское. Разговор, говорит, в детстве слышала про усыновленного ребенка...

ОТЕЦ. Вот пронира психологическая! Сказала?

МАТЬ. Я сказала ей про Свету.

ОТЕЦ. Да етить твою за ногу!

Вскакивает и ходит по кухне.

ОТЕЦ. Вам, бабам, тока бы языки распускать! И что теперь?

МАТЬ. Что-что... Свете рассказывать или нет? Гуля ругается – говорит, мы обязаны.

ОТЕЦ. А ты чего думаешь?

МАТЬ. Боюсь я, Лёша. Ну как ей скажешь? И так все у нас наперекосяк. Платок надела вон – совсем как подменили. Слова сказать нельзя – все не так говорю, не так сижу, не так живу. Воспитывает. Возьмет и уйдет – скажет, вы мне не родные, пошлёт куда подальше.

ОТЕЦ. Скажешь тоже. Не пошлёт.

МАТЬ. Ой, не знаю, не знаю. Растишь вот их в мучениях, а они не совета не спрашивают, не рассказывают ничего, словно ты враг какой...

Входит Саня. Услышав разговор родителей, останавливается.

ОТЕЦ. Запричитала, ёпрст. Ты можешь помолчать – нет? Надо подумать, как ей сказать.

МАТЬ. А как скажешь? Других слов тут нету. Да, усыновили. Да, неродная. Но растили и любим как родную... Ты эти слова какими синонимами заменишь?!

ОТЕЦ. Не знаю я. Ты – мать, вот ты и думай.

МАТЬ. Ну, конечно. Как трудности – так сразу мать думать должна. А ты только с детьми уси-пуси решать можешь.

ОТЕЦ. Аля, я честное слово, седня тебе вкачу люлей за язык-то. Не трогал никогда, а седня вкачу.

МАТЬ. Гулю просить - нехорошо получится...

Встает и замечает сына.

МАТЬ. Саша, ты что ж стоишь там? Подслушивал...

САНЯ. Не подслушивал, но слышал. А что это у вас дверь нараспашку – вас весь подъезд мог слышать, входную дверь оставили приоткрытой.

МАТЬ. О, господи, это ж я с сумками вбежала и не закрыла. Ну вот... теперь и ты знаешь.

САНЯ. Про Свету? Догадывался...

МАТЬ. Надо ей сказать – все знают, кроме нее...

САНЯ. Давайте я скажу.

МАТЬ. Ты?

САНЯ. А что такого?

МАТЬ. Тут надо очень тактично...

САНЯ. Ма, если я высшее не получил, а только техникум окончил – значит, совсем тупой, что ли?

МАТЬ. Саша, что такое говоришь! Просто тут тонко надо, по-женски...

ОТЕЦ. Мать, он все-таки старший брат ей.

МАТЬ. Нет, ребята, надо вместе. Саша, иди звони Гуле – пусть вечером приходит, и ты приходи. Вот все вместе и скажем.

Сцена 5.

Вечер. Вся семья в сборе. Герои на сцене – молчат, их разговор звучит в ТРАНСЛИРУЕМОЙ АУДИОЗАПИСИ.

СВЕТА. Ничего себе! А что это у нас сегодня – семейный совет? Как хорошо. У меня как раз есть для вас новость.

МАТЬ. Я догадываюсь, что за новость.

ОТЕЦ. Ну помолчи ты, опять со своими обидами лезешь.

ГУЛЯ. Мы, Света, собрались, чтобы поговорить с тобой.

САНЯ. Да. И поддержать если что (*смешок*).

СВЕТА. Вы хотите уговорить меня сойти с этого пути? Не получится. Это моя жизнь, и вы не можете в нее влезть.

ГУЛЯ. Нет, Света, не об этом мы хотели поговорить. Мама!

ОТЕЦ. Аля, ты скажешь или я?

МАТЬ. Ну говори ты.

ОТЕЦ. Но тебе-то сподручнее будет сказать.

МАТЬ. Я... я... не знаю...

САНЯ. Света, они просто боятся твоей реакции. Тебя удочерили. Ты была совсем маленькой.

ГУЛЯ. Но это совсем ничего не значит. Ты нам самая родная – знай это.

ОТЕЦ. Тебя удочерили совсем грудной – тебе было всего 2-3 месяца. Мать в роддоме работала – тебя там увидела...

Звонящая тишина.

СВЕТА. Меня бросили? Отказались?

ОТЕЦ. Твоя мать умерла при родах.

СВЕТА. А отец?!

МАТЬ. Э-э...

ГУЛЯ (*делает знаки матери*). Света, мы ничего не знаем про него. Совсем. По крайней мере, пока ничего не знаем.

ОТЕЦ. Света, у тебя есть мы. Мы тебя всегда любили и будем любить.

САНЯ. И защищать. Я же все-таки твой старший брат.

СВЕТА. Почему вы не рассказали мне об этом раньше? Почему?

ГУЛЯ. Света, они думали, что так будет лучше.

СВЕТА. Кто они? Родители? Ты – Гуля, почему ты молчала?

ГУЛЯ. Я об этом узнала только недавно, ну ты же помнишь – мы еще с тобой говорили об этом.

САНЯ. Э-э... А я сам только сегодня узнал.

СВЕТА. Мама! Мама! Почему же ты молчишь?

Мать силится что-то сказать и.. начинает тихо плакать.

Скажите – почему мама ничего не говорит? Почему даже сегодня ты не нашла сил самой сообщить мне эту новость? Мама! Чего ты боишься?

МАТЬ тихо всхлипывает, утирает время от времени слезы.

СВЕТА. Почему мы так редко говорим с друг другом?

ГУЛЯ. Да, почему? Папа, как я мечтала, чтобы мы с тобой хоть иногда разговаривали... За советом – к маме, за деньгами – к маме, поплакать в плечо – к маме... А ты?

ОТЕЦ. Дык... Гуля, а чего ж ты не приходила ко мне так?

ГУЛЯ. Не знаю. Стеснялась или боялась. Но так хотелось сесть с тобой рядом и поговорить. Или помолчать.

СВЕТА. А мне с тобой – мама...

САНЯ. А мне – нет. Мне не нужны разговоры – я ж мужик.

ГУЛЯ (тихо). Мужчина...

САНЯ. Мама, а я хочу, чтобы Вика перестала быть для тебя «снохой». Не просто снохой, а вот именно СНОХОЙ - как ты произносишь.

СВЕТА. Мама! Спасибо тебе. Прости меня.

МАТЬ. И ты... прости.

СВЕТА. Мама, я замуж выхожу.

МАТЬ. Он хороший человек?

СВЕТА. Хороший.

ОТЕЦ. Смотри, в этот раз мы устроим проверку зятю!

СВЕТА. Не надо, папа. Я хотела бы обсудить детали. Он придет в воскресенье свататься.

ОТЕЦ. Что ж, обсудим.

ГУЛЯ (*уже вслух*). А чего это мы - не можем сесть и нормально поговорить, а?!

ОТЕЦ. И вправду – чего стоим?

Все идут к столу, садятся за стол, начинают что-то обсуждать вслух – эмоционально, смеются, обнимаются, шутят (на фоне музыки). Свет гаснет.

Сцена 6

Прошло еще две недели. Гостиная. Мать, Гуля, Вика, еще женичины – родственницы. Все парадно одеты – правда, это не столько красиво, сколько скромно: платья ниже колен, с длинными рукавами. Кто-то в платках, кто-то только повязывает. Гуля пытается приладить платок матери: надо, чтобы он не только голову прикрывал, но и шею.

ТАНЗИЛЯ. Альфия, сеңлем¹⁶. Как так получилось? Почему они так быстро женятся. И кто он?

МАТЬ. Ой, апа,¹⁷ сама ничего не понимаю. Күткә утырту сыман булды¹⁸. Но очень понравился. Такой живой, деятельный. Старше Светы на 8 лет. Кстати, она же теперь Света только по паспорту. А так она Саидат¹⁹ - такое имя взяла.

ГУЛЯ. Мама, сиди спокойно, а то я тебя булавкой уколую. Ты забыла сказать, что он вдовец и у него есть дочь 13 лет.

ТАНЗИЛЯ. Ничего себе.

РОДСТВЕННИЦА МОЛОДАЯ. Очень даже хорошо. Главное – девочка. С девочкой легче будет ладить.

РОДСТВЕННИЦА ПОЖИЛАЯ. Не знаю, не знаю. Все-таки подростковый возраст.

МАТЬ. Переживаю по этому поводу. Каково ей, после смерти матери, мачеху, хоть и хорошую, а? И Света найдет ли общий язык?

ГУЛЯ. Мама, что ты нагнетаешь. Там девочка просто прыгает от радости – так ей Света наша понравилась. Света говорит – девочка очень скромная и воспитанная. Вы лучше скажите, машин на всех хватает – в мечеть ехать?

МАТЬ. Да всем хватит.

ТАНЗИЛЯ. Ну почему так быстро-то? Сразу никак?

ГУЛЯ. Ну почему быстро. Они знакомы аж три недели. В исламе тест-драйвов не бывает, Танзиля-апа. Там гулять, встречаться нельзя. Там сразу жениться надо.

РОДСТВЕННИЦА ПОЖИЛАЯ. А если не получится?

ГУЛЯ. В исламе как раз надо с именем Аллаха вступить в брак и уже строить жизнь так, чтобы получилось. Работать в браке надо! В общем, у них так положено.

(Выпрямляется, убирает лишние булавки, мать смотрится в зеркало – результат ей нравится).

Появляется отец – в тюбетейке. Все улыбаются – непривычно видеть его в этом головном уборе.

ТАНЗИЛЯ. Смотри-ка, Леша, как тебе идет тюбетейка-то!

ОТЕЦ. *(подмигивая)*. А кому она у нас тут в Татарии не идет? Женщины, ну вы вовремя собраться-то можете? Мужики там все укурились у подъезда, а вас нет...

Все начинают торопиться, собираться, выключают свет, уходят.

Сцена 7.

Мечеть изнутри. Небольшой зал в форме многоугольника с равными сторонами.

Гости сидят по лавкам вдоль стен, среди них и Танзиля, Саша с Викой, Гуля с мужем, сын Гули – Максим, парень 17 лет, дочь Рамиля Эльвира – миловидная девушка, одетая по мусульманским канонам, и другие.

¹⁶ Сеңлем – сестренка моя, сестрица

¹⁷ Апа –уважительное обращение к старшей женщине (сестре, тёте)

¹⁸ Күткә утырту сыман булды – (разг., перен.) неожиданно – словно гром среди ясного неба (дословно – «словно на задницу посадили»)

¹⁹ Саидат – жен. имя, обозначающее «счастливая, благоденствующая, благополучная», «госпожа, сударыня»

На скамейке в центре Света, жених Рамиль, по краям от них – родители Светы, рядом с матерью – мать Рамиля.

Небольшая трибуна (минбар) – за ней ИМАМ – молодой, с выразительным лицом и хорошими манерами, спокойными движениями.

ИМАМ. Ас-саляму аляйкум. Уважаемые гости, родные Саидат и Рамиля. Учитывая, что не все понимают по-татарски, думаю, что будет лучше, если я буду говорить по-русски. Так ведь? Все вы знаете, по какому поводу мы здесь собрались. Для меня проведение обряда никаха²⁰ для этой пары является особенным. И не только потому, что я лично знаю Саидат и Рамиля. С ними мы встречались не раз, с каждым из них я беседовал не раз.

Каждый день я читаю никах для той или иной пары, но сегодня особенный случай, потому что сегодня семьей станут люди, вставшие на путь ислама. Вы как никто другой понимаете смысл и таинство этого обряда и всю ответственность, которую он накладывает на вас. Для вас это не просто ритуал, дань моде или обычаям. И прежде чем, мы начнем, я хотел бы сказать несколько напутственных слов.

Ваш путь к Аллаху происходил через страдания, а это самое сильное очищение какое может быть.

Сначала я хотел бы обратиться к тебе, Саидат. (*Света кивает*). Ты войдешь в новую семью. Знай, в этом доме всегда знали, что такое женская и материнская любовь. И тебе предстоит с именем Аллаха постараться, чтобы это из дома не ушло. Помни, что перед женщиной стоит несколько обязательств:

- игътикад (искренняя вера)
- итагат (послушание)
- ригаят (забота) о близких мужа
- сохбет (товарищество)
- сохранение тайны
- канагат (довольство) и риза (удовлетворенность)
- игътидал (расчетливость)
- чистоплотность и опрятность
- хая (стыдливость) и гыйффат (целомудрие)
- тадбир (домовитость)
- сохранение здоровья.

Саидат опять кивает.

ИМАМ. Обращаюсь к тебе, Рамиль. Ты знаешь, через какую боль пришлось пройти Саидат. Скоро она войдет в вашу семью. И я обращаюсь к тебе и к твоим родным. Запомните: Саидат придет в вашу семью не на чье-то место, она придет на свое место. Ваша задача – помочь ей, говоря современным языком, адаптироваться, но ни в коем случае она не должна никого копировать, подстраиваться. Также, Рамиль, ты должен понимать, как важно для Саидат испытать радость материнства. Это очень важная составляющая вашей будущей жизни.

Рамиль кивает понимающе.

Во время речи имама женщины утирают слезы, так проникновенно говорит ИМАМ.

После это начинается сам обряд.

---

²⁰ Никах – мусульманский обряд бракосочетания

В процессе имам спрашивает согласие у жениха и невесты (ризалык)²¹, запрашивает махар²². Новобрачные в нужный момент отвечают «Ля илляха илляла, мухаммад расуль улла»²³.

Гости испытывают сильное волнение – настолько их проняла речь имама и сама процедура обряда.

Обряд заканчивается.

ИМАМ. А теперь можете подойти и поздравить новую семью. Сначала - близкие родственники.

Все встают, женщины утирают слезы, кто-то дарит цветы. Саидат и Рамиль обнимаются с родителями, потом к ним подходит Эльвира, Гуля, Саша, Вика и Толик. Празднично, суетливо.

В какой-то момент родня оттесняет мать, Гулю, и они оказываются рядом с Эльвирой. Все трое смотрят друг на друга и не знают, что сказать...

Первой заговорить решается Эльвира.

ЭЛЬВИРА. А вы, вы мама моей эни?²⁴ А вы ее апа?²⁵ (обращаясь к Гуле)

МАТЬ. (в ее глазах стоят слезы) Да, кызым, я ее мама. А это моя старшая дочь – Гульнара.

ЭЛЬВИРА. А можно я буду вас звать эбием?²⁶

Мать тянет к ней руки. Эльвира обнимает МАТЬ, другую руку протягивает Гуле. Так и стоят какое-то время втроем, обнявшись, со слезами на глазах.

В это время из толпы выбирается Саня, смотрит на троицу.

САНЯ. (Бурчит про себя). Ну вот, хоть кому-то уже не нужна путёвка в детский сад. (Протягивает руку Эльвире). Привет, сестренка. Я Саша – брат Светы. А вон там – моя жена Вика, у нас есть маленькая Даша.

ЭЛЬВИРА. (Улыбаясь) Здравствуйте. Я Эльвира.

Мать с Гулей отходят в сторонку.

МАТЬ. Ой, даже не знаю. Будут ли они счастливы? В голове не укладывается: моя дочь, хиджаб, молитвы, такая скоропалительная свадьба...

ГУЛЯ. Да будут, мама. Мне кажется, они очень подходят друг другу. Все от них зависит, захотят испортить отношения - тут никакой Аллах не поможет.

САША (с фотоаппаратом). Что это вы разбрелись все кто куда? Давайте кучнее, давайте сделаем общую фотографию (всех зазывает).

²¹ В ответ на вопрос «Согласен ли ...взять в жены/мужья..» новобрачные отвечают: «Риза» (согласен/согласна)

²² Махар – подарок невесте, это может быть кольцо или любое другое ювелирное украшение.

²³ «Нет божества, достойного (поклонения), кроме Аллаха».

²⁴ Эни - мама

²⁵ Апа – здесь: старшая сестра

²⁶ Эбием – бабушка, бабулечка (уменьш-ласкат.)

Света, Саша, Мать, Гуля с мужем, все родственники собираются. Замешкался только ОТЕЦ. Все выстроились для фото, ОТЕЦ выбивается из общего ряда, потому что перегнулся к Эльвире, на него шикают, тогда он встает рядом с Эльвирой, обнимает ее за плечо одной рукой.

ОТЕЦ. Доченька, тебе сказали, что я твой дедушка? Ну или, как говорят по-татарски, я твой бабай.

Эльвира кивает головой.

ОТЕЦ. Ну и слава богу. Значит, мы с тобой и твоими отцом и матерью в эти выходные едем на рыбалку. Рыбу-то ловить умеешь? Я тебе дам удочку – волшебную, и мы будем ловить золотую рыбку. Хочешь?

Эльвира радостно кивает головой.

Саша фотографирует.

Конец.